Астрахан-кино

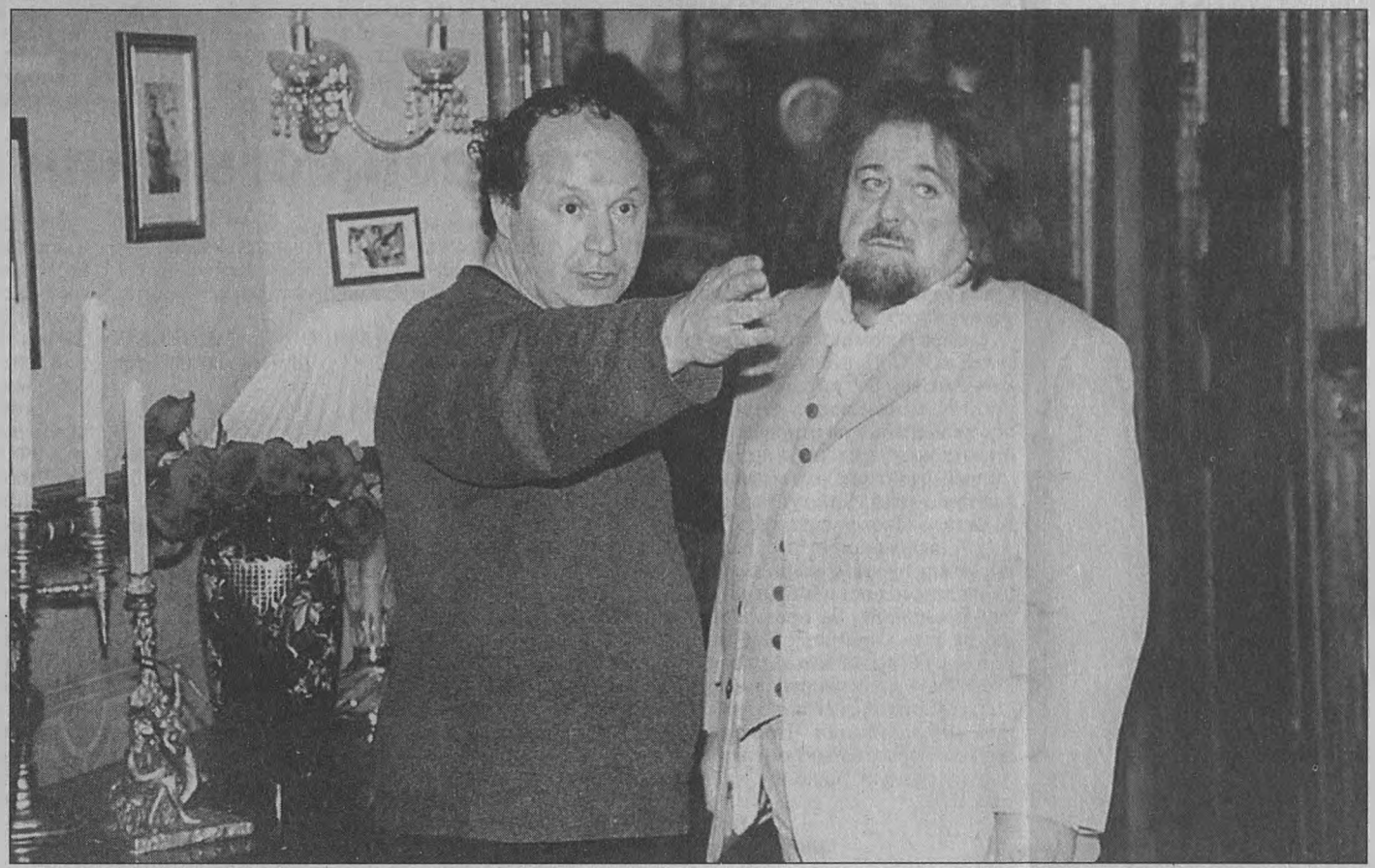
Искусство утешать находится в большом долгу перед народом

Праздничное телевидение презентовало зрителям сразу две новые работы Дмитрия Астрахана, режиссера, известного своим оптимистическим взглядом на жизнь, — «Леди на день» (РТР) и «Подари мне лунный свет» (НТВ). Оба они о подарках судьбы. А о чем в новогодне-рождественские вечера рассказывать людям, у которых позади черт знает что и впереди неизвестно что?..

Известия-2002

Юрий БОГОМОЛОВ

12 янв. — с.8



«Леди на день». Дмитрии Астрахан дает ценные указания Александру Калягину

Режиссер Дмитрий Астрахан знает, как скрашивать людям будни и вселять в них некоторую надежду на завтрашний день. Он один из немногих отечественных киномастеров, кто этому отдается с похвальной последовательностью. Напомню его былые удачи в кино: «Ты у меня одна», «Все будет хорошо», «Зал ожидания», «Перекресток». Есть у нас, стало быть, свой великий утешитель — дедушка Лука из горьковской пьесы «На дне».

С другой стороны, надо признать, что заклинания типа «Все будет хорошо» даются нашему современнику все труднее. Энтузиазма по-прежнему хватает, а искренности уже маловато.

В Новый год, как на зло, есть с чем сравнивать. И, разумеется, не только с рождественскими историями, сочиненными на Западе («Красотка», «Один дома», «Отпетые мошенники», «Большой» и т.д.). У нас есть свои эталоны и стандарты. Это прежде всего новогодние рязановские комедии.

На этот раз у Астрахана с его драматургом Олегом Даниловым получилось не так здорово, как это выходило в свое время у Эльдара Рязанова с его драматургом Эмилем Брагинским. Но стезя у них одна: перспективная и, правду сказать, скользкая. Сначала делается пьеса, затем она ставится на сцене, то есть испытывается на живом зрителе и уже потом реализуется на пленке. По такой схеме Рязанов с Брагинским шли к успеху «Иронии судьбы» и «Служебного романа».

«Леди на день» и «Подари мне лунный свет» Астрахана и Данилова прошли тот же путь. Но, надо признать, с другим эффектом. И если вторую картину можно смотреть, то первую — трудно, если вообще возможно. Молодые актеры — невыразительны, опытные, что называется, отрабатывают номер. Больше других старается Марина Неелова. Актриса она, несомненно, одаренная. Но, видимо, эта роль ей славы не прибавит.

По странной прихоти авторы устыдились именно «Лунного света» и вымарали из его титров свои фамилии. А «Леди» так горды, что сфотографировались на память с героями и исполнителями фильма. На экране мы видим нечто похожее на кино, но явно не кино. Фарсовые ситуации не смешны, мелодраматические — не трогательны.

Причины неудачи вроде бы лежат на поверхности. Авторы решили, что обречены на успех. Что им все зачтется автоматом, как говорят студенты. Сентиментальная история материнской любви, скрашенная комедийными положениями и снабженная эксцентрическими характерами, — это, мол, уже полдела. Вторая половина — актеры Олег Табаков, Марина Неелова, Александры Калягин и Филиппенко. Чего же боле?..

Ну, во-первых, Рязанов замешивал свои сентиментально-драматические истории на высокой музыкальной лирике либо Таривердиева, либо Петрова. Во-вторых, он в экранизацию театральных удач и триумфов вкладывал душу.

И это не все. Он еще угадывал характерные для своего времени комплексы и неврозы.

В «Иронии судьбы» изживался комплекс предопределенности частной жизни. В «Служебном романе» ставился под сомнение приоритет служебной карьеры. Типичный советский человек несколько подтрунивал и над собственной типичностью, и над своей советскостью. И все это было погружено в стихию лирической поэзии.

Вообще советские комедии времен застоя — рязановские, гайдаевские, данелиевские — держались главным образом на том, что его реалии, достаточно абсурдные сами по себе, были уже в значительной степени одомашнены и освоены. Будь то шпиономания, ксенофобия, товарный дефицит или социалистическая демагогия. Они уже были как бы нам подконтрольны. Их можно было обмануть, с ними удавалось договориться. Они поддавались и лирическому одушевлению (у Рязанова и Данелии), и эксцентрическому шаржированию (у Гайдая). Оттого до сих пор зрителю в этих комедиях уютно и тепло.

Нынче другое время. Другой абсурдизм.

И время все еще чужое, и абсурдизм неродной. Потому так трудно дается сегодня тому же Рязанову жанр эксцентричной лирики в «Старых клячах».

Астрахан скорее прочих освоился в стихии рыночных отношений. Жизнь откупорилась. Пространство, где царят случай и удача, расширилось. Отсюда был энтузиазм и оптимизм фильмов «Ты у меня одна» и «Все будет хорошо». «Вокзал ожидания» снимался еще в додефолтовские времена. В нем чувствуется присутствие гуляющих и гарцующих бешеных денег, которых должно на всех хватить. Да и доброты с душевностью в достатке. Стало быть, не пропадем.

Отдаленно мотивы додефолтовских картин Астрахана напоминали неореалистическую поэтику послевоенного итальянского кино. Те же надежды на общечеловеческую солидарность, на счастливый случай. А после дефолта пространство удачи резко скукожилось. Богатство стало делом Чрезвычайного Случая. И тогда опять прорезалась тема неразменности человеческой сердечности, невозможность ее обмена ни на какие материальные блага. Об этом «Перекресток». И в нем и в других последовавших за ним лентах выскакивает один и тот же мотив: вот нам подарок от Судьбы — поездка в Штаты или поездка в Лондон, но лунный свет дороже.

Герои Астрахана и Данилова удовлетворяются или утешаются этой радостью. Они и не заметили, что поезд жизни ушел с того вокзала, в «зале ожидания» которого продолжают досматривать розовые сны. Кончилась советская лирика. Началась суровая буржуазная проза, где человеку предстоит выяснить, чего он стоит сам по себе без опоры на партию, на трудовой коллектив, на братскую солидарность простых людей.

И в этой жизни есть место для розовых сновидений и лунного сомнамбулизма. Но это совсем другие сны. Такие, как «Один дома», или как «Один в городе», или как «Один в мире».